

DOI: 10.17951/en.2018.3.159-174

ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN – POLONIA

VOL. III

SECTIO N

2018

Maria Cymborska-Leboda

Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8666-3563>

mcymborska-leboda@o2.pl

Между билингвизмом и интертекстуальностью
(чужое слово как подтекст).
От Бердяева до Газданова

Między bilingwizmem a intertekstualnością
(cudze słowo jako podtekst).
Od Bierdiajewa do Gazdanowa

Резюме: Цель статьи – постановка вопроса о мотивировке и функциях двуязычия в текстах представителей русской эмиграции в Париже. Феномен билингвизма рассматривается контекстуально и соотносится с проблемой межкультурных контактов и воздействий – с установкой на диалог и обмен ценностей, нашедших подтверждение в рамках Le Studio Franco-Russe. Анализируются и подвергаются интерпретации выбранные примеры билингвизма и интертекстуальности (1) в философских текстах: в книге Н. Бердяева 1927 г., где цитатность и ориентация на иноязычное связывается со стратегией приобщения и расширения чужой мысли, а также в очерке В. Лосского, в котором диалогически сопоставляются две точки зрения на русский народ; (2) в художественных текстах: в рассказе нобелианта И. Бунина *В Париже* (встраивание французских поговорок для выражения дистанции к «своему» как «чужому» и осмысления экзистенциального опыта героя) и в творчестве Г. Газданова (*Вечер у Клэр*, *Счастье*, *Ночные дороги*). Дается обоснование писательской ориентации на французский язык – соприкосновение с неизвестным (с Иным) и открытие новых форм познания и выражения. Предметом истолкования становится функция повторяющейся французскоязычной цитаты из *Le Rouge et le Noir* Стендаля в рассказе Газданова

Счастье. Интертекстуальность («код уже читанного») интерпретируется как причастность к чужому антропологическому концепту (идея счастья). Это подтверждается анализом тропологического языка произведения и символического поля дихотомии: интеллектуальное познание – познание чувством, отсылающей к философиям Паскаля, Ницше и Юнга.

Ключевые слова: билингвизм; интертекст; стратегия приобщения; причастность Иному; антропологический концепт; тропологический язык; Бердяев; Блуа; Газданов; Паскаль; Ницше

Любой дискурс,
где слово ведет за собой мысль,
можно назвать (безоценочно) «поэтическим»:
если вы настолько любите слова,
что подпадаете под их власть,
значит, вы уже не подвластны закону означаемого,
по которому живут «пишущие».
Получается дискурс
в буквальном смысле *онейрический*
(наша греза выхватывает
проплывающие перед нею
слова и слагает из них историю).

Ролан Барт¹

Исходной точкой настоящей статьи, кроме слов знаменитого Ролана Барта, мы делаем замечание Георгия Левинтона о билингвизме. В своих рассуждениях он учитывает то обстоятельство, что «практически всякий писатель является хотя бы пассивным билингвой [...]». Т.е. в культурной памяти писателя [как правило] существует такой элемент, как иностранный язык (или языки)². Справедливость этой мысли очевидна и подтверждается особенно тогда, когда мы имеем дело с писателями русской диаспоры в Париже. Французский язык, как иностранный (чужеродный) присутствует не только в их памяти и сознании, но и, конечно, в их речевой практике.

¹ Ролан Барт о Ролане Барте, пер. С. Зенкин, Москва 2014, с. 154. Курсив Барта. Здесь и далее все выделения мои (М.Ц.-Л.).

² Г. Левинтон, *Поэтический билингвизм и межъязыковые явления. Язык как подтекст*, [в:] *Вторичные моделирующие системы*, Тарту 1979.

Однако не о таком, более или менее «пассивном» билингвизме пойдет речь в наших рассуждениях, а о двуязычии в культурных текстах и дискурсивных ситуациях, когда билингвизм становится активным элементом текста, приобретая статус смыслопорождающего механизма. Тем самым, билингвизм рассматривается здесь не в узко лингвистическом плане, а более широко, контекстуально; он соотносится с проблемой межкультурных контактов и воздействий, определяя, в частности, символизирующее чтение текстов с учетом интертекстуальных связей, особого понимания и статуса интертекста³.

Наша задача – подвергнуть анализу и интерпретации показательные примеры билингвизма в произведениях (текстах) представителей русской эмиграции в Париже. При этом стремясь указать различные функции билингвизма, в качестве исследовательского и репрезентативного материала мы выбираем два типа текстов: философские и художественные.

В случае первой категории текстов, т.е. философских, примерами присутствия билингвизма послужат произведения (их фрагменты) Николая Бердяева, русского философа, на чужбине приобретшего европейскую известность и получившего номинации на Нобелевскую премию⁴, а также Владимира Лосского, учителем которого был знаменитый Gilson.

В качестве подтверждения важности билингвизма в художественных текстах писателей русской эмиграции в Париже послужат произведения двух прозаиков – старшего и младшего поколений I волны эмиграции, а именно Ивана Бунина и Гайто Газданова. Из-за заданных рамок статьи мы здесь оставим в стороне избыточные двуязычием поэтические тексты Бориса Поплавского, поэта ушедшего из жизни в 1935 г.

Итак, сосредоточимся на первом типе текстов, выбранных для анализа. С точки зрения основной цели наших рассуждений репрезентативной является книга *Философия свободного духа* Николая Бердяева. С 1925 года он был главным редактором журнала русской религиозной мысли и интеллектуальной элиты – «Путь», а первая часть его книги вышла в Париже в 1927 г.

Обращает на себя внимание начальный абзац *Введения* к этому сочинению: в нем содержится прямая отсылка к роману католического французского писателя – Леона Блуа *Le Pèlerin de l'Absolu* (Пилигрим Абсолютного/

³ «Интертекст – это не обязательно область влияний, это скорее музыка фигур, метафор, мыслей; означающее как *сирена*». Ролан Барт..., с. 148.

⁴ Номинации Бердяев получал в годы 1942–1948. См. Т. Марченко, *Как проваливаются гении или Нобелевские маргиналии sub specie aeternitatis: Бальмонт, Бердяев, Набоков и др.*, главы из книги *Русская литература в зеркале Нобелевской премии*, «Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» 2016, с. 41.

Пилигрим Господний) и приводится ее значащий фрагмент (см. далее). Само обращение к католическому писателю и его мысли имеет, очевидно, знаковый характер, особенно если его рассматривать в связи с установкой на диалог и обмен ценностями, нашедших проявление в редакционной статье журнала «Путь» (1925, № 1) *Задачи русской эмиграции*, в которой была выражена экуменическая мысль об общении и приобщении к европейской культуре (в философском плане эта категория получила осмысление в вышеназванной книге Бердяева): «Мы волей Промысла Божьего поставлены в общение с западным духовным миром, должны стараться его узнать и вступить с ним в братское общение [...]»⁵.

Установка на культурный диалог нашла подтверждение также в рамках Le Studio Franco-Russe, возникшего в 1929 году, целью которого было сотрудничество русских и французских интеллектуалов. Это на одном из заседаний Студии (1930 г.), в выступлении Бердяева под знаменательным заглавием *L'Orient et L'Occident* (Восток и Запад) прозвучала мысль «Le monde de l'Orient doit communier à l'expérience humaniste de l'Occident» («Мир Востока должен войти в общение с гуманистическим опытом Запада»)»⁶.

В этой связи отсылка Бердяева к Л. Блуа, акцентированная структурной позицией французскоязычной цитаты, выходит за пределы простой цитатности. Она может быть воспринята как своего рода напутствие в ходе рассуждений русского философа, сознательная ориентация на иноязычное, а прежде всего как стратегия приобщения чужому слову, «чужой мысли/ истине» ради ее диалогического расширения. Приведем процитированный Бердяевым «замечательный афоризм» Блуа (по его меткому определению): «Souffrir passe, avoir souffert ne passe jamais»⁷. Иноязычный текст философом не переводится, чем снимается абстрактное значение афоризма и подчеркивается его многозначность, его тайный смысл. Тем самым предполагается его расширенное, символизирующее прочтение, вскрывающее семантическое ядро афоризма. Его суть – в утверждении сохранности пережитого человеком экзистенциального опыта»⁸.

⁵ *Задачи русской эмиграции* [Ред. статья], «Путь» 1925, № 1, с. 6.

⁶ N. Berdiaev, *L'Orient et L'Occident*, [в:] *Le Studio Franco-Russe 1929–1931, textes réunis et présentés par L. Livak, sous la rédaction de G. Tassis*, Toronto 2005, с. 255.

⁷ Н. Бердяев, *Философия свободного духа*, Москва 1994, с. 14.

⁸ «Можно преодолеть то, что пережито в опыте жизни, но самый пережитый опыт навеки остается достоянием человека, расширенной реальностью его духовной жизни. Зачеркнуть самый факт испытанного нет никакой возможности. В претворенном и преобразованном виде испытанное продолжает существовать» (*ibidem*).

Знаменательно, что высказывание Л. Блуа Бердяев использует еще в одном месте своей книги (в целом философ ссылался на французского писателя 6 раз), хотя уже, и это не случайно, не в иноязычном звучании. Приобщение к правде афоризма здесь более активно, он уже не только рефлексивное слово, но орудийное, созидающее⁹. В своем словесном оформлении, активизируясь, мысль Блуа резонирует, начинает проявлять смыслопорождающую функцию; организуя вокруг себя новые значения, входит в контакт с основной идеей книги русского философа – о законе развития личности как творческом, обогащающем процессе. Этот закон Бердяев связывает с категорией экзистенциального опыта и тайной истины, выраженной именно Блуа, и он осмысливается следующим образом: «Основная истина о тайне развития выражена в афоризме Л. Блуа, который приведен во введении к этой книге. Страдание можно преодолеть, но никогда не преодолевается то, что было пережито страдание. Все испытанное можно преодолеть, но никогда не преодолевается то, что где-то было испытано»¹⁰.

Дело не только в этом, что в данном случае философ нюансирует смысл высказывания Блуа, а в том, что он одновременно указывает на его трудную переводимость, ибо тайна выраженной истины связана с языковой концептуализацией, с языковой (иноязычной) формой выражения. Билингвизм как *подтекст* здесь налицо. Он приобретает функцию активизатора мысли о «законе формации человеческого духа» – человеческой личности, но также о законе формирования нашей (собственной) мысли в диалоге с чужим¹¹.

Расширению наших наблюдений над функциями билингвизма послужит сейчас фрагмент работы 1956 г. русского богослова, Владимира Лосского, *Встреча с русским народом*. Здесь мы находим значащий и любопытный пример использования двуязычия, как двуголосия, ибо оно способствует сопоставлению и укоренению точек зрения, выраженных на русском и французском языках. Это двуголосие связано с восприятием русского народа у временно приехавшего на родину философа, вернее посетившего Советский Союз после 34-летнего изгнания, а также его собеседника

⁹ Ср. о двух типах афористичности: Р. Барт, *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, пер. Г. Косикова, Москва 1989, с. 125.

¹⁰ Н. Бердяев, *Философия свободного духа*, с. 198. Афоризм Блуа резонирует своим смыслом также в другом утверждении Бердяева: «пережитый опыт остается навсегда достоянием человека, расширенной реальностью его духовной жизни» (*ibidem*, с. 156).

¹¹ Подробнее: М. Цимборска-Лебода, «Свое» и «чужое» в Самопознании Николая Бердяева: пол – Эрос – личность, „Studia Rossica XX” 2010, т. 1, с. 293–299.

и спутника – иностранца Oliviera Clémenta¹². При этом знаменательно то, что чужая точка зрения, точка зрения Другого соединяется с его языком и с его представлением об условиях бытия/небытия человеческой личности. Мысль о экзистенциальном положении личности концептуализируется и выражается на родном языке говорящего, коим является француз – *чужой*, который дистанцируется от наблюдаемой социально-политической ситуации в стране Советов, уничтожившей Трансценденцию.

Приведем соответствующий фрагмент статьи: «Во время посещения метро Olivier Clément сказал мне: „une personne humaine ne peut pas subsister longtemps dans ce monde sans transcendance; il n’y que deux solutions possibles: le suicide ou la conversion”»¹³. Диалогическая и неоднозначная позиция Лосского по отношению к иноязычной мысли, указывает на еще одну возможность существования человека в мире (России), которую не учитывает *чужой*: «Да, но для русских есть еще „подполье” Достоевского с его темными извилинами, очень „персональное” в своей жуткой двусмысленности [...] ведь „подполье” есть отрицательное условие личного начала, негативное свидетельство о свободе»¹⁴.

Любопытно, что французскоязычный текст в очерке Лосского им не переводится, и это далеко неслучайно. Кроме вышеотмеченного, этим подчеркивается особенный характер коммуникативной ситуации: понимающего общения в советском метро двух интеллектуалов, интеллектуально близких людей, – двух «европейцев», посетивших СССР во время т.н. оттепели. Первый из них, изгнанник, с горечью сопоставляет русских *nouveaux riches* и «официальных советчиков» со страдающим «безответным народом»; московскую Русь, с ее «азиатским коварством», с русской чертой пушкинского Петербурга; т.е. желанием «быть европейцем больше чем другие европейцы». И именно с ней идентифицирует себя автор очерка, чувствующий «какой-то „complexe d’infériorité” перед молящимися толпами простого народа»¹⁵.

Учитывая вышесказанное, стоит теперь перейти к наблюдениям над элементами билингвизма в художественных текстах, запечатлевших опыт

¹² В. Лосский, *Встреча с русским народом*, пуб. Б.Н. Лосского, [в:] *Минувшее. Исторический альманах. 12*, Москва 1993, с. 258–259. Лосский (богослов) и Clément (известный ревнитель православия, позже профессор Богословского института на Сергеевском подворье) прибыли в Советскую Россию с делегацией русских и французских церковных деятелей, приглашенных туда патриаршей Церковью.

¹³ *Ibidem*, с. 261 («Человеческая личность не может долгое время выжить в этом мире без трансценденции, существуют лишь два возможных решения: самоубийство или обращение» – пер. мой – М. Ц.-Л.)

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Ibidem*, с. 262.

писателей русской эмиграции. Первым примером пусть послужит рассказ *В Париже*, лауреата Нобелевской премии 1933 года Ивана Бунина. После этого важного для русской диаспоры события Зинаида Гиппиус, чей голос как писателя и публициста в эмиграции был весьма значимым, писала: «Кто же сейчас, если не Бунин, с волшебной своей изобразительностью, с глубокой властью над словом, заставляет нас чувствовать величие родного языка? Достойный его хранитель [...]»¹⁶.

Тем более любопытно, что в этом изящно лаконичном рассказе мы имеем дело с явно выраженным явлением иноязычия. Он проявляется в форме французских шуточных поговорок, которые протагонист рассказа, Николай Платоныч, бывший генерал, эмигрант, «с постоянной раной в душе», вставляет в свои высказывания, причем в особой коммуникативной ситуации, а именно в общении с женщиной, с которой его свела «счастливая встреча»¹⁷.

Здесь функция двуязычия (герой используя поговорки, переходит на французский язык) связана с писательской стратегией Бунина. Билингвизм в данном случае – это художественный прием, способствующий *трансгрессии смысла*¹⁸ банальной любовной истории, возведения ее – путем иронического дистанцирования – на высший уровень понимания. Приведем лишь три примера: «L'eau gâte le vin comme la charette le chemin et la femme – l'âme», «L'amour fait danser les ânes» и «Le bon Dieu envoi toujours des culottes à ceux qui n'ont pas de derrière...»¹⁹. Последняя из поговорок метафорически многозначна. Метафорическое выражение соприкасает читателя с экзистенциальной тайной героя: ее знает только он сам, встретивший наконец любовь, которая затрагивает «сердцевину личности»²⁰, и соединяется с тайной его причастности смерти; она наступит скоро, на третий день после Пасхи, прерывая недолгую жизнь героя с любимой женщиной²¹.

Другие важные смысловые аспекты билингвизма мы обнаруживаем в творчестве Гайто Газданова, писателя, связанного с европейской «экзистенциальной традицией»²², сильно ориентированного на связь

¹⁶ З. Гиппиус, *В сей час*, «Последние Новости» (Париж) 1933, № 4261, с. 3.

¹⁷ И. Бунин, *В Париже*, [в:] *Избранное*, Киев 1988, с. 560.

¹⁸ См. P. Ricoeur, *Miłość i sprawiedliwość*, przeł. M. Drwięga, Kraków 2010, с. 91.

¹⁹ И. Бунин, *op. cit.*, с. 562–567. «Вода портит вино, а женщина душу», «Любовь заставляет даже ослов танцевать», «Милосердный Бог посылает всегда штаны тем, у кого уже нет задницы».

²⁰ Выражение Ю. Кристевой. См. J. Kristeva, *Histoires d'amour*, Paris 1983, с. 14.

²¹ И. Бунин, *op. cit.*, с. 567.

²² Т. Марченко [рец.], С.А. Кибальник, *Гайто Газданов и экзистенциальная традиция*, «Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицина» 2012, с. 611–619.

с французской культурой и подчеркивающего эту ориентацию как аксиологическую установку²³.

Во-первых, билингвизм в широком смысле связан здесь с фактом, что язык – чужой язык становится темой высказывания и рефлексии героя/рассказчика. Рефлексия касается того, что французский язык – открывает 1) определенные возможности концептуализации мира, строения иной картины мира, 2) выражает ментальность участников коммуникации на этом языке, находящую отражение в поведенческих жестах.

Подтверждение этого находим в знаменитом романе Газданова *Вечер у Клэр* (1929), который принес писателю несомненную известность. Приведем и прокомментируем лишь два примера. Так, в этом «прустовском» романе, основанном на «памяти чувств» и изображении изменчивых состояний человеческого сознания, на погружении в то, что герой называет «геологическим наслоением моей истории»²⁴, существенное значение приобретает прием «возвращения к утраченному времени», а также категория воспоминания. Утраченное счастье, или его возможность (любовь Клэр) у героя-рассказчика ассоциируется с воспоминаемой и неожиданно возникшей встречей с француженкой Клэр после долгой разлуки. Надежда на желанную и подлинную любовь у обрадованного героя сталкивается в тексте Газданова с другой аксиологической перспективой – самой Клэр, ставшей в то время замужней женщиной. Различие аксиологических установок и трагизм непонимания/непроникновенности другой личности выражается, в частности, вторжением высказывания на французском языке:

Мы шли теперь вместе, я держал Клэр под руку [...] Запишите по-французски, – услышал я голос Клэр, и я секунду вспоминал, кто это говорит со мной – Claire n'était plus vierge, – Хорошо, – сказал я, Claire n'était plus vierge. – Когда мы дошли до гостиницы Клэр, она проговорила:

– Моего мужа нет в городе. Моя сестра ночует у Юрочки. Мамы и папы тоже нет дома.

– Вы будете спокойно спать, Клэр.

Но Клэр рассмеялась опять.

– Надеюсь, что нет²⁵.

²³ Ср. А. Мартынов, *Литературно-философские проблемы русской эмиграции* (сборник статей), Москва 2005, с. 8 и сл.

²⁴ Г. Газданов, *Вечер у Клэр. Ночные дороги*, СПб. 2009, с. 54–55.

²⁵ *Ibidem*, с. 78 («Клэр не является уже девой»).

Очевидно, иноязычное слово создает здесь семантический подтекст: в качестве смыслового подтекста выступает чужой язык, выражая несоответствие точек зрения и иерархии ценностей. В сюжетном плане на этом ментальном разминовании и различии основывается утрата героем своего «счастья»²⁶, и поэтому данный «узловой момент» его любовной истории всплывает в его воспоминаниях и фантазмах. «В течение десяти лет разделивших две мои встречи с Клэр, нигде и никогда я не мог этого забыть. То я жалел, что не умер, то представлял себя возлюбленным»²⁷.

Однако любопытно, что иноязычие в этом произведении, но также, например, в романе *Ночные дороги*, выступает и как знак языкового соблазна, значащей прелести чужого языка, мелодии чужого слова. Во всяком случае именно эта функция (этот признак) французского языка как иностранного тематизируется в *Вечере у Клэр*, сразу после того, как в тексте появляется приведенное высказывание. Иностраный язык воспринимается как носитель неизвестного, пленяющего, влекущего. Вот признание героя: «Может быть, мое чувство к Клэр отчасти возникло и потому, что она была француженкой и иностранкой [...]. И французский язык ее был исполнен для моего слуха неведомой и чудесной прелести [...]²⁸.

Далее, чужой язык ассоциируется с музыкальной тайной, которой общается тот, кому приходится говорить на нем или просто его слушать. Примечательно, что Газданов устами своего героя-рассказчика отмечает еще один важный, герменевтический аспект бытования в языке – причастности к иностранному языку. Речь идет о нашем бессознательном стремлении к неизвестному (о нем говорит герой, но в восприятии читателя – это стремление универсально) и представлении, что от соприкосновения с иностранным, как носителем соблазна неизвестным – «проявится в более чистом виде все важное», и прежде всего возможность «понять еще нечто новое, и, поняв, тем самым подчинить его себе»²⁹. То есть причастность к иноязычному в данном случае осмысливается в категориях соотношения «чужого» и «своего», освоения чужого как человеку нужного и желанного – «нового». Однако этим вопрос о билингвизме не исчерпывается. Учтем еще один значащий пример присутствия иноязычного слова в этом же романе писателя. Тут речь идет не о простом иноязычии, но о таком,

²⁶ Ср. «Снег все шел по-прежнему и исчезал на лету, и в снегу клубилось и пропадало все, что я знал и любил до тех пор», «Я вновь видел ее сквозь снег и метель, и безмолвный грохот величайшего потрясения в моей жизни» (*ibidem*, с. 79).

²⁷ *Ibidem*.

²⁸ *Ibidem*, с. 81.

²⁹ *Ibidem*.

который ассоциируется с проблемой *словодействия*, т.е. об актуализации первичной действенной функции звучащего слова, о тайне его воздействия на подсознание человека – на его чувства и волю. В следующем фрагменте текста катализатором действия/решения становится услышанная героем польская речь: «Помню, незадолго до моего отъезда, который тогда еще не был решен, я, сидя в парке, вдруг услышал рядом с собой польскую речь, в ней часто повторялись слова „вшистка” и „бардзо”. Я почувствовал холод в спине и ощутил твердую уверенность в том, что теперь непременно уеду. Какое отношение эти слова могли иметь к ходу событий в моей жизни?»³⁰.

Вместо ответа на этот, в сущности, риторический вопрос приведем мысль Х.-Г. Гадамера о том, что «звучащая реальность слов и речи неразрывно связана с передачей смысла»³¹.

Трактуя вышесказанное (о *Вечере у Клэр*) как одну из мотивировок присутствия элементов билингвизма в творчестве Газданова, любопытно проверить, с такой ли ситуацией имеем дело в известном рассказе писателя 1932 г. – *Счастье*. В произведении имеется несколько иноязычных выражений, т.е. высказываний на французском языке, однако в художественном плане они приобретают узко миметическую функцию. В связи с тем, что протагонистами рассказа являются французскоязычные герои – Анри и Андрэ Дорэны, выражения типа «*bonjour, Henri*», «*mon petit, faisons la connaissance*», «*Enchanté, madame*», или «*Allez vous en, vous et votre dame*» – воспринимаются как знаки, маркирующие французский этикет или его недопустимое нарушение.

Очевидно, с точки зрения читателя эти выражения суть сигналы принадлежности героев к определенной (им родной) языковой среде. Так или иначе, этим аспектом мы заниматься сейчас не будем, подобного типа элементы двуязычия в произведении русскоязычного автора существуют и они значимы.

Остановим наше внимание на другом показательном примере этого явления. Двуязычие здесь связывается с цитатностью, шире – с явной или скрытой цитатной функцией чужого слова. Образцом явной цитатной функции чужого слова – т.е. чужого для героя – выступающего в романе в качестве *homo legens*, но для него не иностранного, а иностранного

³⁰ *Ibidem*, с. 80. Похожее наблюдаем в романе Пастернака *Доктор Живаго*. В обоих случаях голос воздействует на жизненное решение героев.

³¹ Н.-Г. Gadamer, *Język i rozumienie*, wyb., przeł. i posłowie P. Dehnel, B. Sierocka, Warszawa 2003, с. 130.

для автора рассказа и русскоязычного читателя – является фрагмент романа Стендаля *Красное и черное* (*Le Rouge et Le Noir*)³².

Приведем фрагмент XIV главы (*Pensées d'une jeune fille*)³³ читаемого героем романа: «Mathilde croyait voir le bonheur. Cette vue toute puissante sur les âmes courageuses liées à un esprit supérieur eut à lutter longuement contre la dignité et tous sentiments de devoirs vulgaires»³⁴. Его значащая роль в рассказе Газданова подчеркнута повторностью, причем второй раз цитата обрывается на первом предложении. («Он взял опять *Красное и Черное*, сел в кресло и попытался читать. Но дальше *Mathilde croyait voir le bonheur* он не мог прочесть; он ничего не понимал. Он закрыл книгу [...]»³⁵). Ибо именно эта фраза входит в диалогическое отношение с заглавием рассказа и соотносится с концептом (счастье), столь существенным в рассказе с точки зрения авторской писательской стратегии и с точки зрения одного из двух протагонистов произведения Дорэна-сына, начинающего писателя. Учтем убеждение последнего, являющееся своеобразным лейтмотивом текста: «Мой отец родился, чтобы быть счастливым»³⁶, которое отсылает к культурному коду, к «уже читанному»³⁷. Думается, к известной Газданову мысли Паскаля: «Все люди домогаются счастья [...]. Воля подвигает человека только в направлении к этому предмету, т.е. счастью», «наш инстинкт дает нам чувствовать необходимость искать счастье вне себя»³⁸. Это обнаружение с к р ы т о й цитатной функции «уже читанного», т.е. Паскаля и его *Мыслей о религии*, думается, происходит не без воздействия цитаты из Стендаля – на французском языке; так как именно она активизирует культурную память читателя, заставляет вспомнить другие (скрытые) тексты, в рамках той же культурной традиции, и именно те, которые ассоциируются с концептуализацией счастья³⁹.

³² В романе *Ночные дороги* собеседником рассказчика является герой, отрицавший все, что считалось проявлением французского гения. Единственными, кого он признавал среди французских писателей, были Стендаль, Бальзак и Бодлер (*ibidem*, с. 345).

³³ См. Stendhal, *Le Rouge et le Noir. Chronique du XIX siècle*, Paris 1972, с. 380. «Матильде казалось, что перед нею открывается счастье. Это видение, которое имеет такую безграничную власть над мужественной душой, если она еще к тому же сочетается с высоким умом, долго боролось с чувством собственного достоинства и прописного долга». Стендаль, *Красное и черное*, пер. С. Боброва, М. Богословской, Москва 2007, http://loveread.ec/read_book.php?id=10775&p=1 [Доступ: 10.11.2018].

³⁴ Г. Газданов, *Счастье*, «Современные записки» 1932, № XLIX, с. 187.

³⁵ *Ibidem*.

³⁶ *Ibidem*, с. 180.

³⁷ Р. Барт, *op. cit.*, с. 456.

³⁸ Б. Паскаль, *Мысли о религии*, Минск–Москва 2001, пер. не указан, с. 52–53.

³⁹ Например, у Блаженного Августина. См. Августин Блаженный, *Об Учителе*, [в:] *Творения*, т. 1: *Об истинной религии*, Киев 2000. О категории счастья в его высшем ме-

Таким образом становится очевидным, что текст на другом языке (или просто билингвизм) влияет на коннотацию того, в котором он появляется. Очевидно и другое – иноязычная цитата устанавливает особый вид коммуникации с читателем: ведь текст Стендаля является иностранным не для героя произведения – француза; его иноязычность и чуждость, а также усвоение этой чуждости как некой истины относится к адресату, носителю русского языка. Трактую иноязычный текст как сигнал семантической вертикализации рассказа (вертикального, а не только горизонтального его прочтения, по Дюранду⁴⁰), этот адресат ищет и находит в нем и другие интертекстуальные следы. Так, например, эхо, или след бердяевской мысли о «катастрофе сознания»⁴¹ (такую катастрофу переживает ослепший Дорэн-отец, после узнания об измене Мадлен), открывающей возможность нового понимания мира, а также известной и не менее важной мысли уже приводимого Паскаля: «Мы познаем истину не одним разумом, но и сердцем; этим последним путем мы постигаем первые начала, и напрасно старается оспаривать их разум, который тут совсем неуместен»⁴². Последнее подтверждается анализом тропологического языка (напр. метафоры «крыльев любви», отсылающей к Платону) произведения и символического поля весьма релевантной у Газданова оппозиции: интеллектуальное познание – познание чувством. Приведем назидательные слова Дорэна-отца, касающиеся все той же существенной для экзистенциального субъекта проблемы понимания, которые он адресует сыну: «[...] Ты многое не понимаешь. Ты еще не знаешь очень многих чувств [...] понять теоретически это одно, а почувствовать – это другое»⁴³.

Все это семантически размыкает текст рассказа, чему способствует также его символическая концовка, содержащая метафору «облако счастья» (см. далее), ассоциирующаяся с паскалевским «представлением о счастье» в его первобытном состоянии⁴⁴. Эта концовка и присущая ей уклончивость смысла словесного высказывания отсылают читателя к другим

тафизическом смысле см. M. Scheler, *Cierpienie, śmierć, dalsze życie. Pisma wybrane*, przeł. A. Węgrzecki, Warszawa 1994, с. 318.

⁴⁰ G. Durand, *Figures mythiques et visages de l'œuvre: de la mythocritique à la mythanalyse*, Paris 1979, с. 75.

⁴¹ «Нужна катастрофа сознания, чтобы раскрылись нам целые миры». Эта катастрофа расплавляет «затверделость нашего обыденного сознания». Н. Бердяев, *Философия свободного духа*, с. 79, 78.

⁴² Б. Паскаль, *op. cit.*, с. 51.

⁴³ Г. Газданов, *Счастье*, с. 183.

⁴⁴ Б. Паскаль, *op. cit.*, с. 51–53.

культурологемам и философам – к Юнгу⁴⁵ и прежде всего к Ницше⁴⁶. Благодаря последнему, по меткому замечанию Барта, правила интеллектуального дискурса «периодически подвергаются „сожжению” (в обоих смыслах этого слова)»⁴⁷. В итоге: «Интеллект начинает приобщаться к новой мысли, он вступает в необжитую область „внутреннего опыта”: одна и та же истина, объединяющая романтическое, поэтическое и дискурсивное слово пускается на поиски самой себя, ибо истинно она является истиной слова как такового»⁴⁸.

Эхо ницшевского опровержения «теоретической культуры» с ее абстрактным интеллектуализмом, а также его «артистической установки», находим и у Бердяева, и у Газданова. Первый ратует за «преодоление метафизики понятий», что в его представлении означает также «преодоление той ошибочной мысли, что мышление может быть отделено от эмоций»⁴⁹. Отсюда еще одно важное утверждение экзистенциального философа: к тайне человеческого существования приближают нас символы и образы⁵⁰, и именно они приобщают к «царству духа» и к раскрытию высшего смысла жизни. Эта ницшевско-бердяевская *логика причастности к существованию*, предшествующей познанию⁵¹, прекрасным образом сказывается в финальном фрагменте *Счастья* Газданова. В онейрическом видении, во сне (изобилующем в символы реки, неба, солнца и звезда, а также напутствующего голоса) герой ощущает (понимает) то, что до сих пор ускользало его обычному познанию:

⁴⁵ Юнг отталкивается от Ницше, на работы которого ссылается, считая, что автор *Заратустры* в своих философских воззрениях отмеживается от «чистого интеллекта», а его интуитивизм привел философа к «художественному свершению» (К.Г. Юнг, *Психологические типы*, пер. С. Лорие, В. Зеленского, Москва 1998, с. 594). В связи с этим Юнг утверждает: «Пусть никто не делает вида, будто он понимает мир из одного интеллекта: это понимание осуществляется настолько же и при помощи чувства. Поэтому суждение интеллекта составляет, в лучшем случае, лишь половину истины и должно, если только оно честно, дойти до признания своей неудовлетворительности» (*ibidem*).

⁴⁶ Для русского культурного сознания начала века эти культурологемы выражали сущность человеческого экзистенциального опыта и путей его осмысления и познания, что, как уже знаем, отмечал Бердяев. В ином месте своей книги *Философия свободного духа* Бердяев утверждает, что путь духовной формации вел европейского человека через освоение словесно выраженного опыта Гамлета, Достоевского, Ницше и др. «и перечеркнуть этого нельзя» (Н. Бердяев, *Философия свободного духа*, с. 156).

⁴⁷ Р. Барт, *op. cit.*, с. 348.

⁴⁸ *Ibidem*.

⁴⁹ Н. Бердяев, *Философия свободного духа*, с. 256. См. также *idem*, *Самопознание*, [в:] *Избранные произведения*, Ростов-на-Дону 1997, с. 386.

⁵⁰ *Idem*, *Философия свободного духа*, с. 256.

⁵¹ *Ibidem*, с. 259–261.

Как все хорошо – успел он подумать. – Но почему? Ведь так недавно я все понимал иначе. Что же изменилось? Один только сон? Нет, это не может быть [...]. Важно, что я живу, думаю и делаю все, что угодно, – и вот издаലെка доходит до меня какое-то облако счастья, которое с детства поднимается за мной, – и оно окутывает меня и людей, которые мне близки, и против его счастливого тумана бессильно все [...] ⁵².

Очевидно, тематизируя сдвиг в понимании мира экзистенциальным субъектом, рассказ Газданова, окутанный «музыкой контекста» (Бахтин), проецирует подобный тип смещения – у читателя. Это происходит в силу того (если еще раз использовать мысль Барта), что «первичный язык произведения [словно] взращивает в нем «какие-то другие слова» ⁵³. И благодаря им, поверх обычной действительности, создает другой, *запредельный мир* (в том числе онейрический), *смысломир*, открывая неизведанную область новых ценностных, этических и межличностных отношений. Тем самым в рассказе Газданова проецируется уже новая *история и интрига жизни*, как для протагониста ⁵⁴, так и для читателя. Это определяется и предположенностью художественного произведения к открытости (согласно Р. Барту ⁵⁵), и теми этическими импликациями, которые оно закладывает по отношению к человеку, как существующему, предлагая ему условия возникновения нового *я*. Значит: приобретения себя *иного*, силой *mimesis praxéon* ⁵⁶, и присвоения истины, даруемой художественным вымыслом ⁵⁷.

⁵² Г. Газданов, *Счастье*, с. 201–202. Перефразируя слова Бердяева, можно сказать, что акт (обновленного) познания становится для героя Газданова *актом жизни* (Н. Бердяев, *Философия свободы*, [в:] *Судьба России*, Москва 1998, с. 117).

⁵³ Р. Барт, *op. cit.*, с. 348–351.

⁵⁴ Ср. эхо ницшевской мысли: «[...] то, что есть бесконечно и радостно, ничто не в силах отнять это у меня. Надо это сказать Андрэ [сыну], надо только не забыть это [...]». Г. Газданов, *Счастье*, с. 202.

⁵⁵ Р. Барт, *op. cit.*, с. 350.

⁵⁶ Р. Ricoeur, *Soi-même comme un autre*, Paris 1990, с. 191.

⁵⁷ Рикер называет это «d'application de la fiction à la vie» (*ibidem*). См. также о роли фикции в: Р. Ricoeur, *Cinq études herméneutiques*, Genève 2013, с. 71. «Fiction et poésie visent d'être, mais non plus sous la modalité de l'être donné, mais sous la modalité du pouvoir être».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Avgustin Blazhenny, *Ob Uchitele*, [v:] *Tvoreniya*, t. 1: *Ob istinnoy religii*, Kiyev 2000.
- Bart [Barthes] R., *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika*, per. s frantsuzskogo G. Kosikova, Moskva 1989.
- Berdiaev N., *L'Orient et L'Occident*, [v:] *Le Studio Franco-Russe 1929–1931*, textes réunis et présentés par L. Livak, sous la rédaction de G. Tassis, Toronto 2005.
- Berdyyayev N., *Filosofiya svobodnogo dukha*, Moskva 1994.
- Berdyyayev N., *Filosofiya svobody*, [v:] *Sud'ba Rossii*, Moskva 1998.
- Berdyyayev N., *Samopoznaniye*, [v:] *Izbrannyye proizvedeniya*, Rostov-na-Donu 1997.
- Bunin I., *V Parizhe*, [v:] *Izbrannoye*, Kiyev 1988.
- Ctendal', *Krasnoye i chernoeye*, per. S. Bobrova, M. Bogoslovskoy, Moskva 2007, http://loveread.ec/read_book.php?id=10775&p=1 [dostup: 10.11.2018].
- Durand G., *Figures mythiques et visages de l'œuvre: de la mythocritique à la mythanalyse*, Paris 1979.
- Gadamer H.-G., *Język i rozumienie*, wyb., przeł. i posłowie P. Dehnel, B. Sierocka, Warszawa 2003.
- Gazdanov G., *Schast'ye*, „Sovremennyye zapiski” 1932, № XLIX.
- Gazdanov G., *Vecher u Kler. Nochnyye dorogi*, SPb. 2009.
- Gippius Z., *V sey chas*, „Posledniye novosti” (Parizh) 1933, № 4261.
- Kristeva J., *Histoires d'amour*, Paris 1993.
- Levinton G., *Poeticheskiy bilingvizm i mezh'yazykovyye yavleniya (Yazyk kak podtekst)*, [v:] *Vtorichnyye modeliruyushchiye sistemy*, Tartu 1979.
- Losskiy V., *Vstrecha s russkim narodom*, pub. B.N. Losskogo, [v:] *Minuvsheye. Istoricheskiy al'manakh*. 12, Moskva 1993.
- Marchenko T., *Kak provalivayut-sya genii, ili Nobelevskiye marginalii sub specie aeternitatis: Bal'mont, Berdyayev, Nabokov i dr.*, glavy iz knigi *Russkaya literatura v zerkale Nobelevskoy premii*, „Yezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna” 2016.
- Marchenko T. [rets:], S.A. *Kibal'nik, Gayto Gazdanov i ekzistentsial'naya traditsiya*, „Yezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna” 2012.
- Martynov A., *Literaturno-filosofskiye problemy russkoy emigratsii* (sbornik statey), Moskva 2005.
- Paskal' B., *Mysli o religii*, per. ne ukazan, Minsk–Moskva 2001.
- Ricoeur P., *Cinq études herméneutiques*, Genève 2013.
- Ricoeur P., *Miłość i sprawiedliwość*, przeł. M. Drwięga, Kraków 2010.
- Ricoeur P., *Soi-même comme un autre*, Paris 1990.
- Rolan Bart o Rolane Barte, per. S. Zenkin, Moskva 2014.
- Scheler M., *Cierpienie, śmierć, dalsze życie. Pisma wybrane*, przeł. A. Węgrzecki, Warszawa 1994.
- Stendhal, *Le Rouge et Le Noir. Chronique du XIX siècle*, Paris 1972.
- Tsimborska-Leboda M., *Lyubovnyye istorii i diskurs telesnosti v proze pisateley russkoy diaspory v Parizhe* (Z. Gippius, M. Osorgin, G. Gazdanov, I. Bunin), [v:] *Z polskich studiów slawistycznych*, Warszawa 2012.

Tsimborska-Leboda M., „Svoye” i „chuzhoye” v *Samopoznani* Nikolaya Berdyayeva: *pol – Eros – lichnost’*, „Studia Rossica XX” 2010, t. 1.

Yung K.G., *Psikhologicheskoye tipy*, per. S. Loriye, V. Zelenskogo, Moskva 1998.

Zadachi russkoy emigratsii [red. statia], „Put” 1925, № 1.

Summary: The article presents a manifold function of bilingualism in the works of Russian emigration writers and thinkers in Paris. The phenomenon of bilingualism and the role of someone else’s word are considered contextually, in connection with the Russian intellectual elite’s orientation towards the dialogue with French culture as part of *Le Studio Franco-Russe*. Examples of the occurrence of someone else’s/foreign word (including aphorisms) as a semantic subtext activator are analysed and interpreted in philosophical texts (N. Bierdiaev, V. Lossky) and in literary ones of the Nobel prize winner I. Bunin and G. Gazdanov, connected with “existential tradition”. The subject of detailed investigation is the sense-generating function of a quote in French from Stendhal’s *Le Rouge et le Noir* in Gazdanov’s short story *Счастье*, which activates the overt or covert presence of the anthropological concept of happiness known in European culture (Pascal, Saint Augustine). Other intertextual traces are also found, making references to the European reflection on two types of cognition – on the value of feelings and emotions in cognizing the world and in interpersonal relations (Nietzsche, Jung).

Keywords: bilingualism; inter-text; someone else’s word; existential experience; tropological language; Bierdiaev; Bloy; Bunin; Gazdanov; Pascal; Nietzsche

Streszczenie: Celem artykułu było podjęcie namysłu nad motywacją i funkcją bilingwizmu w tekstach przedstawicieli rosyjskiej diaspory w Paryżu. Fenomen bilingwizmu rozpatrywany jest kontekstualnie, w powiązaniu z problemem kontaktów międzykulturowych, z orientacją na dialog i wymianę wartości, która znalazła wyraz w ramach *Le Studio Franco-Russe*. Interpretacji poddano wybrane przykłady bilingwizmu i intertekstualności w: (1) tekstach filozoficznych: w książce N. Bierdiajewa z 1927 r. oraz szkicu W. Łoskiego z 1956 r., w którym chwyt dwujęzyczności służy konfrontacji dwóch odmiennych poglądów na naród rosyjski; (2) tekstach artystycznych – w opowiadaniu noblisty I. Bunina *W Paryżu* (funkcja powiedzeń francuskojęzycznych, wyrażających dystans bohatera wobec swojego doświadczenia egzystencjalnego) oraz w twórczości G. Gazdanowa. Analizie poddano przykłady bilingwizmu w powieści *Wieczór u Claire* jako strategii pisarskiej uruchamiającej podtekst semantyczny (obraz świata zakorzeniony w języku) oraz sprawczą funkcję *obcego* słowa. Przedmiotem szczególnej uwagi uczyniono cytaty z powieści Stendhala *Czerwone i czarne* dwukrotnie pojawiający się w opowiadaniu Gazdanowa *Schastie*. Stwierdzono, że intertekstualność jawna i ukryta służy tu uobecnianiu cudzego konceptu antropologicznego, przywołującego europejską tradycję myślenia o szczęściu (św. Augustyn, Pascal), jak również waloryzacji dwóch typów poznania (dychotomia: intelekt – uczucie, odsyłająca do refleksji Nietzschego i Junga).

Słowa kluczowe: bilingwizm; intertekstualność; współudział w Innym; koncept antropologiczny; język tropów; Bierdiajew; Bloy; Bunin; Gazdanow; Pascal; Nietzsche